

Образ рая в стихотворении Жуковского «Таинственный посетитель»

О.Н. Павляк,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-русской филологии,
Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия, pavlyakon@rambler.ru

В работе рассматривается образ рая как одна из структурно-семантических доминант лирики В.А. Жуковского, репрезентирующая представления поэта о высших духовных ценностях христианства, о цели и призвании поэзии.

Ключевые слова: Жуковский, образ рая, поэзия, аксиология.

Для цитаты: Павляк О.А. Образ рая в стихотворении Жуковского «Таинственный посетитель» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Pavlyak.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)
Pavlyak O.A. Image of the paradise im Zhykovsky poem "The curious Visitor" Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Pavlyak.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В любой религиозной системе рай – это, прежде всего, пространство гармонии и блаженства. Память об этом утраченном пространстве запечатлена во фразеологическом обороте «рай земной» – «необыкновенно красивое место, в котором всего в изобилии, где можно счастливо и безмятежно жить» [4, с. 383]. В контексте Ветхого Завета это сад в Эдеме, закрытый от человека в наказание за грехопадение. В Новом Завете *рай* категория исключительно духовная. Маркировка – «*рай небесный*» обозначает мир высших ценностей и связывается с пространством Дома Отца небесного.

В культурно – религиозном сознании христиан существуют представления о *рае земном*, утраченном греховным человеком и *рае небесном* – обители Царства Божия. Рассуждая на эту тему, митрополит Вениамин пишет: «одно нам несомненно, что на «этой земле никогда не будет и не может быть «рая», о коем мечтательно гадают некоторые даже христиане, забывая, что сущность христианства заключается, по учению Христову, апостольскому, отеческому и Серафимову, «в стяжении Благодати Святого Духа» еще здесь, и в устроении «несозданного Царства Божия», по слову Григория Паламы, – там. И новый мир будет совершенно иной, духовный, а не материальный» [2, с. 433]. Очевидно, что координаты *здесь* и *там* применительно к понятию *рай небесный* в христианстве существуют, но между ними нет оппозиционного напряжения. «Стяжение Святого Духа» *здесь*, т.е. внутри себя – прямой путь к устроению «несозданного Царства Божия» *там*, в месте пребывания праведных душ. Сравнивая два представления о *рае земном* и *небесном*, следует сказать, что с первым связывается открытое эмпирическое пространство цветущего сада, и вместе с тем, навсегда закрытое от человека, а со вторым – метафизическое пространство Дома, казалось бы, еще более закрытое, но путь в него не заказан для любого христианина. К тому же речь идет об Отческом Доме, Доме, наполненном теплом и любовью. В христианском сознании соединились тоска по утраченному *земному* раю и надежда на обретение *рая небесного* (Царства Небесного).

В художественной картине мира Жуковского образ *рая* воплощается в разных смысловых

вариантах. В стихотворении «Рай» в центре лирического сюжета оказывается размышление о содержании этого понятия с проникновением в его онтологические глубины. Именно здесь формируется концептуальное отношение Жуковского к априори идеальному пространству, суть которого в утверждении безусловной ценности рая как Новозаветного пространства любви, рай у Жуковского – это пространство духовной гармонии, пространство высших христианских ценностей.

В «Песне» («Розы расцветают») идеальное пространство маркируется как «долина рая». Его обретение утверждается благодаря гармонизации внутреннего состояния лирического субъекта. Психологический пейзаж передает ощущение ожидания утешительных перемен для души. И эти ожидания связаны с обретением нового пространства, которое приносит покой, счастье, сердечную ясность. Речь идет об особом состоянии гармонии души. Рай, дарующий такое состояние, безусловно, имеет христианское содержание. Поэтический образ «долины рая» соединяет «земную горизонталь» с «Небесной вертикалью», и само это соединение ассоциативно обнаруживает важный аксиологический нюанс: в христианском понимании Царствие Небесное внутреннее состояние и может быть достигнуто на земле.

В послании «К Филалету» В.А. Жуковский обнаруживает ситуацию, в которой разлука с возлюбленной, невозможность принести свою жизнь в жертву для ее блага становится непреодолимой преградой на пути к идеальному пространству.

Мой друг, о нежный друг, когда нам не дано
В сем мире жить для тех, кем жизнь для нас священна,
Кем добродетель нам и слава драгоценна,

.....
Когда б стократными и скорбью и мученьем
За каждый миг ее блаженства я платил:
Тогда б, мой друг, я **рай** в сем мире находил.

[1, с. 146-147]

Как видно из приведенного отрывка, в данном случае рай – это пространство душевной гармонии, обретение которого возможно для лирического героя только в одном случае, если его жизнь и свобода могут быть отданы за другого человека. обращение к другу на самом деле выливается в психологическую рефлексию, обращенную к «небесам», Богу («Почто (дерзну ль спросить?) отъял у нас творец <...> Почто и небеса не могут внять мольбам»). Суть этой рефлексии в невозможности соотносить свою личную горестную судьбу с Божественным замыслом, понять и принять его как данность. В стихотворении запечатлен момент отчаяния, вызванный жизненными невзгодами. Ропот и «Несмирение» лирического героя скорее относится к сфере эмоциональной, нежели глубинно религиозной и представляет собой непосредственную реакцию на горе. В стихотворении изображен момент «падения» на пути христианского движения к Царству Божию, но истинность самого пути не подвергается сомнению. Понимание рая как блаженства жертвенной смерти ради любви не противоречит концептуальному христианскому представлению о рае.

Если в послании «К Филалету» пространство рая связано с чувством любви к женщине, то в «Стихах сочиненных в день моего рождения» – с чувством дружбы. Идеальное пространство внутреннего мира поэта представлено как замкнутый круг, ценности которого определены его сердцем – это простота, свобода, дружба и лира, символизирующая поэзию.

Вот все – я больше не желаю,
В душе моей цветет *мой рай*. [1, с. 248]

«Мой рай» – это поэтический образ сугубо личного пространства внутренней гармонии, полнота которого обеспечивается присутствием «лиры» и «друзей».

Если во всех рассмотренных примерах упования лирического героя обращены к небу, то в

стихотворении «Таинственный посетитель» небо словно откликается на это вечное ожидание и отправляет в земной мир своего посланца.

В стихотворении «Тайный посетитель» образ *рая* возникает как пространство, подарившее миру «прекрасного гостя».

Кто ты, призрак, гость прекрасный?

К нам откуда прилетал?

Безответно и безгласно

Для чего от нас пропал?

Где ты? Где твоё селенье?

Что с тобой? Куда исчез?

И зачем твоё явление

В поднебесную с небес? [1, с. 122]

Вся лирическая ситуация состоит в тщетной попытке разгадать тайну «прекрасного гостя». От строфы к строфе последовательно предлагаются наименования «таинственного посетителя» – Надежда, Любовь, Дума (мысль), Поэзия, Предчувствие («небесного ... святого»). Собственно стихотворение и построено таким образом, что каждая последующая строфа манифестирует важную для лирического героя категорию.

«Не Надежда ль ты младая, / Приходящая порой»

«Не Любовь ли нам собою / Тайно ты изобразил?..»

Не волшебница ли Дума / Здесь в тебе явилась нам?»

Иль в тебе сама святая / Здесь поэзия была?..»

«Иль Предчувствие сходило / К нам во образе твоём» [1, с. 122-123]

Написание с большой буквы укрепляет их личностный и ценностный статус. Ни одно из этих наименований не отвергается лирическим героем, но и не укрепляется в позиции абсолютно верного. Создается некое поле значений, объединяющее в единое целое нравственные, эстетические и религиозные категории.

Пространство неба, из которого появляется «таинственный посетитель» принципиально иное, нежели то, в котором находится лирический герой. «Неведомый край», «неземной», «минувшее», «рай», «небесное ... святое» – все эти определения представляют метафизическое пространство, априори загадочное.

Иль в тебе сама святая

Здесь Поэзия была?..

К нам, как ты, она из **рая**

Два покрова принесла:

Для небес лазурно-ясный,

Чистый, белый для земли:

С ней все близкое прекрасно;

Все знакомо, что вдали. [1, с. 122]

Как видно из этого отрывка, «Поэзию» и «таинственного гостя» связывает единое пространство *рая*. Очевидно, что они обладают характеристиками, принадлежащими к одной аксиологической системе: Поэзия названа «святой», «явлением ... с небес». «Святой» – «все, что относится к Божеству, ... духовный божественный, небесный. *Святой Дух*, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную» [3, т. 4, с.36]. Уже говорилось, что «Небо» в

христианской аксиологии связывается с пространством Бога, кстати, в ряду многих значений этого слова В.И. Даль приводит следующее – «духовный мир; <...> рай, небесное царство» [3, т. 2, с. 417]. То, что образ рая в данном тексте восходит к христианской традиции, подтверждает дальнейшее развитие лирической ситуации. *Небо* и *земля*, не только не разводятся по полюсам, как это обычно бывает в поэтической системе романтизма, но напротив, сближаются и гармонизируются. В этом смысле очень важен образ «двух покровов». Во-первых, оба «покрова», для *земли* и для *неба*, равно связаны с раем Небесным («из рая / Два покрова принесла»). Во-вторых, краски, с помощью которых они нарисованы («Для небес лазурно-ясный / Чистый, белый для земли»), создают мягкую пластичную картину единого пространства, между этими цветами нет зрительного контраста. На символическом уровне они максимально сливаются: голубой, золотой и белый – это эмблемные цвета Бога и христианства. Как известно, лазурный и голубой практически совпадающие цвета («цвет ясного неба», «светло-синий»). Первоначально функцию обозначения голубого цвета в русском языке выполняли слова *лазоревый*, *лазурный*. В словаре В.Даля голубой и лазурный обозначаются одно через другое. Возвращаясь к образу «лазурно-ясного (голубого) покрова», следует заметить, что голубой цвет сам по себе, а уж тем более в сочетании со словом «покров», в христианстве символизирует одежду Богородицы. Что же касается слова «чистый», то оно не только вносит дополнительный нюанс в зрительный образ, но и уточняет духовную сущность этого образа – «Непорочный, прямой <...> верный и т.д.» [3, т. 4, с.402].

Картина единения *неба* и *земли* укрепляется еще и благодаря тому, что здесь устранен частый для романтизма пространственный разрыв между «близким» и «далеким» («С ней все близкое прекрасно; / Все знакомо, что вдали»). Очевидно, что «святой...Поэзии» отводится роль гармонизирующего начала, позволяющего преодолеть романтическое двоемирие. Мир в сознании лирического героя обретает целостность, и это отражает духовное состояние спокойного равновесия. Преобразование, совершенное «святой ...Поэзией» объясняется природой ее происхождения – она «из рая».

Следует заметить, что маркировка небесного пространства словом рай появляется только в конце стихотворения и соотносится, как уже отмечалось, с образом Поэзии. Однако единство всего ряда (Надежда, Любовь, Дума, Поэзия) несомненно: все эти предположительные наименования «таинственного гостя» для лирического героя связаны с пространством неба и явлены одним и тем же лицом. Теперь же, когда пространство неба получает новое определение – рай, вся цепочка наименований втягивается в ореол многочисленных ассоциативных связей закрепленных за понятием рай, заявленные ценности приобретают новый смысловой обертоны. Так, Надежда, Любовь и Дума, хотя и связывались с небом, но в другом, так сказать, романтико-поэтическом контексте. Надежда – «пролетает мимо», Любовь – лишь манящий обман, Дума – обращена в прошлое, в настоящем же «жизнь пуста, и счастье – сон». В контексте райского пространства романтический флер перестает быть столь очевидным, а ценности, дарованные небом, приобретают более универсальное звучание.

В последних строфах религиозный смысл стихотворения усиливается.

Появляется еще одно наименование «таинственного посетителя» – Предчувствие. В ряду предшествующих названий (Надежда, Любовь, Дума) оно занимает особое место, т. к. фиксирует само качество размышлений, их зыбкость. Если это не Надежда, и не Любовь, и не поэзия, то что?

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоём
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:

Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало

И в далекое манит. [1, с. 122]

Предчувствовать – значит предощущать сердцем неясное будущее, то, что неочевидно для других [3, т.3, с. 317]. Парадоксально, но в поэтической системе Жуковского абсолютно естественно то, что самое зыбкое у поэта представлено как самое очевидное и конкретное: Предчувствие – «понятно говорило», хотя, казалось бы, речь идет о самом сокрытом «о небесном, о святом», а внезапное чудо встречи с таинственным гостем, вдруг получает вполне житейскую характеристику – «часто в жизни так бывало». Речь идет о внутренней жизни души, которая обращена к небесному и святому, которая чувствует их, и всей своей сущностью обращена к утраченному пространству рая.

Первая строфа стихотворения заканчивается обращением к «таинственному гостю»: «И зачем твое явленье / В поднебесную с небес?», а в последней строфе есть ответ на это «зачем» – «Подымает покрывало / и в далекое манит». Затем, чтобы человек обратился к «далекому», в логике данного лирического сюжета – к небесному, святому, светлomu.

В контексте всех ассоциативных связей, как внутри текста, так и за его пределами, в стихотворении «Таинственный посетитель» возникает образ *рая* как высокого духовного пространства, способного восстановить гармонию в отношениях человека с миром. Цель и призвание истинной поэзии указать путь к обретению этой гармонии.

Литература

1. Жуковский В.А. Сочинения: В 3 т. Т.1. М.: Худ. лит., 1980. 437 с.
2. Вениамин (Федченков), митрополит. Всемирный светильник. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М., 2006. 460 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
4. Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

Image of paradise of Zhukovsky's poem "The Curious Visitor"

O.N. Pavlyak

PhD in philology, Associate Professor, Department of Slavic-Russian philology, Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, pavlyakon@rambler.ru

The work deals with the image of paradise as one of the structural and semantic dominants lyrics VA Zhukovsky, representing the presentation of the poet of the highest spiritual values of Christianity, the purpose and vocation of poetry.

Key Words: Zhukovsky, the image of paradise, poetry, axiology.

References

1. Zhukovskiy V.A. Sochineniya: V 3 t. T.1. M.: Hud. lit., 1980. 437 s.

2. *Veniamin (Fedchenkov)*, mitropolit. *Vsemirnyiy svetilnik. Zhitie prepodobnogo Serafima, Sarovskogo chudotvortsya*. М., 2006. 460 s.
3. *Dal V.I.* *Tolkovyyiy slovar zhivogo velikorusskogo yazyika: V 4 t.* М.: OLMA-PRESS, 2001.
4. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyika*. М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 543 s.